

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Попытку классификации мировоззренческих (смысложизненных) ценностей можно предложить, опираясь на представление о многообразии бытийных связей мира и человека. Ключевые мировоззренческие понятия — *Жизнь* и *Смерть*. Жизнь человека как ценность, бренность человеческого бытия, стремление к бессмертию, готовность принять смерть как избавление от мучительных и бесцельных скитаний — в произведениях литературы и искусства мы найдем множество оттенков, множество поворотов этой мировоззренческой проблематики. Особенно ярко мотив жизни и смерти как универсалий культуры воплотился в прозе и поэзии русского символизма. «Жизнь человека» Л. Андреева, трилогия «Христос и Антихрист» Д. Мережковского, «Мелкий бес» и «Творимая легенда» Ф. Сологуба — эти произведения пронизаны мучительным и напряженным поиском смысла бытия между жизнью и смертью, ощущением неизбежного конца как зияющей пропасти, бездны и обостренной тоской по радости и полноте бытия перед лицом этой неизбежности. Ограничимся только одним примером, стихотворением Ф. Сологуба «Талисман»:

В тихий вечер на распутье трех дорог
Я колдунью молодую подстерг,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь —
С ним не бойся, — не захочешь, не умрешь.
Этот камнь все на шее ты носи
И другого талисмана не проси.
Не для счастья. Иль удачи, иль венца —
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно — ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь.

Н. Минский, русский поэт-символист, в книге «Религия при свете совести» дает классификацию ценностей культуры, выделяя понятие «мэон».

Мировоззренческое противостояние жизни и смерти раскрывается как противостояние войны и мира (состояний общественно-исторического бытия, равно как и душевных состояний человека). Война: кровь, разрушения, вихрь, разгул низменных страстей, страх, агрессия — в пределе — «Ад». Мир: покой, безмятежность, полнота бытия, радость, счастье, в религиозном измерении — «Рай».

Во-вторых, Жизнь и Смерть связаны с соотношением человека и времени. Вечность и время, прошлое, настоящее, будущее, история и судьба, память — вот те мировоззренческие ценности, которые тоже требуют осмысления и самоопределения по отношению к ним.

В-третьих, мировоззренческие ценности соотносят человека с космосом и природой в целом, с пространством и временем как измерениями бытия. Эта группа мировоззренческих ценностей формирует присущее каждой культуре, специфическое для нее представление о *картине мира*. Античная культура исходила в осмыслении мира из понятий «космос» и «хаос».

Представления о Космосе, о Вселенной, о Земле — колыбели человечества — менялись от эпохи к эпохе. Стихии мироздания, стихии природы — Земля, Вода, Воздух, Огонь, Небо, Звезды, Ветер, Гроза — также ценностно интерпретировались, переживались человеком, образно отражались в зеркале мифологии, фольклора. философии, искусства.

Пространство, время, движение — характеристики материального мира, изучаемые естественными науками, в рамках культуры воспринимались как значимые для человеческого сознания категории. Пространство человек заполняет созданными им предметами, структурирует, оформляет, как бы «выгораживает» окультуренную, освоенную среду. И в то же время его восхищает пейзаж за окном, он любит бескрайним простором океана, бродит в дремучем лесу, взбирается на горные вершины — и это тоже пространство человеческой жизни, человеческой культуры.

Время — не просто отсчет секунд, минут и часов, для чего та же культура придумала особый инструмент — часы. Время — это возраст человека, целые ценностные миры Детства, Юности, Зрелости, Старости. Время — это наполненный воспоминаниями и эмоциями поток жизни, поток сознания, калейдоскоп впечатлений.

Движение — мировоззренческая универсалия, характеризующая постоянную изменчивость мира, энергетические возможности, созидательную активность самого человека.

Сопоставим в плане различных представлений о картине мира культуру Нового времени и культуру XX века. Метафизическое,

механистическое представление о неизбежности пространственно-временных координат (мир по Ньютону), сменилось эйнштейновскими представлениями об относительности этих параметров, о парадоксальной взаимосвязи массы и энергии, времени и пространства. Не только наука, но и культура в целом, сознание человека и образ жизни, искусство и философия не могли не отразить эти изменения.

Культура, выражая представление о движении, как бы предполагает смысловое членение, пульсацию, ритм. Ритм чередует моменты статики и динамики, покоя и активности, пульсации энергии, придающей осмысленность и дифференцированность человеческой деятельности уже через сам процесс ее протекания и членения.

Наконец, мировоззренческие ценности определяют отношение к человеку, представление о его месте в мире. В этот ряд ценностей входят Гуманизм, Индивидуальность, Творчество, Свобода. Эти ценности лежат на границе со следующим типом ценностей — ценностями нравственными.

Мир повседневности предстает как сфера ценностной самореализации личности. Мы используем термин Ф. Броделя «структуры повседневности». Структуры повседневности — это устойчивые способы, выработанные культурой для соединения конкретных реалий повседневной жизни и их душоно-ценностного осмысления.

К структурам повседневности относятся:

- архитектурные формы (архитектура, ландшафт, интерьер);
- нормы поведения и общения (мода, этикет, ритуалы, обряды, обычаи);
- мир материальных предметов (орудия и средства труда, вещи, предметы обихода, мебель, одежда и т. п.).

Подробный анализ этих форм дан в работах Ф. Т. Мартынова. Особенно интересен анализ мира вещей с философско-мировоззренческих позиций. М. М. Бахтин вводит понятия «смысл — форма — стиль».

Направления, по которым идет соединение предметности и ее умозрительного осмысления, задают формирование смыслов культуры, закрепленных в вещах. *Утилитарно-функциональные смыслы*. Уже сам факт использования искусственных посредников для удовлетворения утилитарных потребностей человека — факт культуры. Ведь животные обходились и обходятся без вещей.

Утилитарный смысл вещи дополняется *эмоционально-личностным*, психологическим аспектом. Моя вещь, вещи-враги и вещи-друзья — вот широкий спектр значений вещи в рамках культуры.

Вещи — атрибуты внутреннего мира человека, его личности, сгустки ассоциаций и эмоций, они воплощают для человека психологическую реальность фантазии, памяти, воображения, переживаний.

Вещь, исключенная из реального функционирования, обретает *историко-культурный смысл*. Вещи — музейные экспонаты, антиквариат... В залах музеев-дворцов мы видим рядом с креслами и диванами таблички «Не садиться», «Руками не трогать». Но ведь все эти вещи когда-то служили своим владельцам, и только теперь их значение сконцентрировалось в том, что они стали как бы полномочными представителями своей эпохи, своей культуры.

И отметим и выделим *культурно-символический смысл* вещи. Вещь способна воплощать самые идеальные, самые отвлеченные и умозрительные сущности, становясь выражением сверхчувственного, духовных ценностей. Вещь становится символом. Очки, перчатки, перстень, окно, зеркало, крест — предметы, которые как бы предрасположены говорить о мироздании, знаки нездешнего, неявленного, подчас мистического.

Анализ вещей как мировоззренчески-представительных феноменов культуры дан в работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения», в эссе С. Есенина «Ключи Марии» и Д. Танидзакки «Похвала тени». Основные черты мира повседневности — устойчивость, повторяемость, консервативность, неизбежность появления стандарта и стереотипности.

Искусство XX века предстает как репрезентация и освоение мира повседневности. В переосмыслении мира повседневности играет важную роль образное начало. Творчество образов и форм, творчество предметно-пространственной среды как среды поведения и общения, творчество как поиск собственного стиля и выразительности в движениях, мимике, жестах. Через творчество идет преодоление косности, ограниченности, монотонности повседневной жизни.

Таким образом, мировоззренческие ценности лежат в фундаменте смыслового поля культуры. Сплетаясь с реалиями конкретной повседневной жизни, они формируют ядро человеческой духовности. Рассмотрение взаимосвязи мира повседневности с философско-мировоззренческими ценностями дает ключ к постижению специфики и своеобразия основных этапов истории мировой культуры.

Таким образом, мировоззренческие универсалии духовной культуры как бы высвечиваются через реалии быта и обихода. Смысловое поле культуры — пересечение философско-мировоззренческих, нравственных, эстетических ценностей и конкретики пред-

метного мира. В культуре XX века искусство становится своего рода мифологией повседневности, возвращая человека, как в первобытности, к первоосновам бытия.

Л. Г. Лебедева
С. В. Слукин
А. П. Ветошкин
г. Екатеринбург

ЦЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ТРУДОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Характерным для социально-экономического развития современного мира в начале XXI в. является понимание того факта, что «социальный мир создал особый — рыночный — механизм, который обеспечивает постоянное стрессовое давление на членов общества (эффект «перманентной катастрофы»), стимулируя прогрессивные ментальные и поведенческие самосборки»¹. Один из представителей этого подхода в оценке рынка и его воздействия на социальное развитие — С. Д. Хайтун обращает внимание на то, что рынок выполняет также «функцию фильтра, поддерживая наиболее эффективные новации» и «функцию интенсификации взаимопревращения разных форм взаимодействий». Однако если первая функция рынка вполне убедительно им обосновывается, то две другие абсолютно бездоказательны. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что жизнь в условиях «перманентной катастрофы» или хотя бы ее угрозы разрушает социальность людей.

Трудовая социальность как высшая форма общественного единства выступает той вершиной, к которой стремится и должно стремиться каждое новое поколение. В этом, собственно говоря, мы и усматриваем социальное проявление устремленности человека к совершенству, к идеалу, к абсолютным ценностям своего бытия.

И наоборот, разрушение трудовой коллективности и ее подмена формальной производственной «коллективностью», основывающейся на не подлинном, не на должном, а на конъюнктурном, на реально и стихийно сложившемся общественном разделении труда, есть прямой путь к катастрофе, которую так красочно живописуют О. Шпенглер, Дж. Несбит, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и А. Тойнби. Развитие подлинной трудовой коллективности, основанной на духовном единстве, предполагает самоидентификацию этой духовной определенности социума — этноса. В этом нет никакого обособления, которое можно было бы рассматривать вслед за С.